

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	74
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	98
ГЛАВА ПЯТАЯ	126
ГЛАВА ШЕСТАЯ	162
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	190
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	228
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	261
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	295
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	333
Эпилог	362

Глава первая

Я был влюблён в него, я восхищался им ровно два месяца. Двадцать восьмого февраля 1979 года, я хорошо запомнил эту дату моего унижения, рано утром за ним приехал лимузин, везти его в аэропорт, он улетал в Калифорнию, и тогда, в последние несколько минут, он устроил мне грязную истеричную сцену. Он топал ногами, бегал по лестницам и кричал все одну и ту же фразу: «God damn you! God damn you!» Лицо его налилось кровью и стало багровым, борода топорщилась, глаза были готовы выпрыгнуть из глазниц. До этого, снизу из кухни, мне уже приходилось слышать, как он орал на Линду, нашу секретаршу, но я никогда его не видел в таком состоянии, я только слышал.

Я стоял, прижавшись к дверной раме спиной, и пытался понять, в чем же я виноват. Я отослал в чистку его серые брюки, которые он сам же положил на сундук, стоящий у самой парадной двери нашего дома. Брюки были в пятнах и лежали среди других испачканных вещей, предназначавшихся для отправки в чистку. Сундук — наше специально установленное для этой цели место. Он же, оказывается, хотел взять серые брюки с собой, это были его особые самолётные брюки. Бедняга, он не имел больше брюк, в шкафах висело, может быть, с сотню костюмов.

Так я стоял в дверном проёме, ведущем в обеденную комнату, а он бегал по лестницам и орал все одно и то же: «God damn you! God damn you!»* и «Ask! Just ask!»** При этом он еще что-то бросал тяжелое и открывал двери. Первое «God damn you!» он проорал, нависая надо мной, он был

* Будь ты проклят! (англ.)

** Спроси! Только спроси! (англ.)

куда выше и больше меня — слуги, мой хозяин, в сравнении со мной он был прямо головорез, все последующие проклятия он вылаивал уже в отдалении. Может быть, он сбежал, опасаясь, что не выдержит и ударит меня? Не знаю.

Вот в те-то несколько минут я и начал его ненавидеть. Я был даже немного испуган, не то что я боялся, что он удастся меня, нет. Я бы его убил в ответ, одолел бы как-нибудь, прибежал бы из кухни с мясницким ножом, в конце концов. Я был испуган явной незддоровостью его истерики и незначительностью повода, которым она вызвана.

«Ну и хуй с тобой! — подумал я. — Ори себе, я знаю, что я не виноват, ну не нравится тебе — увольняй! Большое дело!»

Мысленно уже собирая вещи, я прошел через обеденную комнату в кухню, а оттуда спустился по лестнице в бейсмент*, взял из ящика бутылку содовой воды, проследовав в самую дальнюю комнату бейсмента, заваленную сломанной мебелью, употребленными, истрепанными его детьми игрушками, сел на поломанный стул, открыл бутыль и стал пить зашипевшую воду.

Тут я обнаружил, что руки у меня дрожат. Это наблюдение меня разозлило. Какого хуя должен я быть вовлечен в чьи-то истерики, в другого человека неспособность справиться с самим собой. Почему? Видения себя, удаляющегося с чемоданом в зияющую свободу, умилили и ободрили меня.

Наверху грубо затопали. Может, он искал меня?

«Пусть ищет, ебена мать, — подумал я. — Хуй я отсюда выйду, пока он не уедет. Не желаю я видеть его отечное лицо и вытаращенные глаза. Чего он так топает? — подумал я. — Может, у него плоскостопие? Набиваю же я ему особые резиновые набойки, от которых у него не трутся ноги, может, и плоскостопие».

* Basement (англ.) — подвал.

Набиваю, впрочем, не я, а грек из ремонта обуви, я только отношу обувь к греку. И еще я время от времени чищу ему туфли. В нашем доме их у него пар тридцать или сорок. Чистить его обувь — одна из моих обязанностей, я ведь служу ему, он платит мне за это деньги. Когда он живет здесь, в Нью-Йорке, я готовлю ему брекфесты и ланчи. Ему и его ебаным бизнесменам. Во время ланчей они часто ворочат свои бумаги.

Топот и грохот продолжались. Дому уже, наверное, лет 50–60, потому нет ничего удивительного, что в бейсменте хорошо слышно, как бегает истеричный Гэтсби. Великий Гэтсби. Мой хозяин. Мой босс. Мой угнетатель.

Великим Гэтсби называю я его, разумеется, за глаза. Стивен Грэй — мультимиллионер, Председатель Совета Директоров, Основной Держатель Акций и Президент Корпораций, конечно, не знает, что я его так называю. Если бы знал, наверное, гордился бы прозвищем, человек он начитанный, окончил Гарвард, одна его бабушка была писательница, прадедушка дружил с Уолтом Уитменом, в каждой комнате нашего дома полки с книгами — порой во всю стену. Мистер Грэй знает, кто такой Гэтсби, и был бы доволен.

Впрочем, сейчас, сидя в бейсменте, скрываясь от его истерики, я уже вкладываю в образ Великого Гэтсби совсем иной смысл. Я уже подозреваю, а не был ли и тот Гэтсби только красивым фасадом, обращенным к женщинам и друзьям? Хорошо бы послужить у него хаузкипером, поглядеть на него из кухни, тут бы я и увидел, кто он на самом деле.

Стивен Грэй, в последний раз прогрохотав каблуками у меня над головой, захлопнул входную дверь. Тут же раздалось фырканье лимузина. Посидев еще минут пять для верности, глотая воду и пытаясь подавить в себе возмущенные пылкие обвинительные речи в его адрес, я прошелся на кухню. Было восемь пятнадцать утра. Вся эта

история продолжалась пятнадцать минут. Я прошел через дайнинг-рум в холл нашего, его дома, вошел в элевейтор, поднялся на свой четвертый этаж его дома, вошел в свою, принадлежащую ему спальню и стал собирать вещи. Возмущенные речи горячили голову, я произносил их и про себя, и вслух, обращаясь к вымыщенному жюри, к арбитрам, называя их «ребята» (или «господа») и указывая им на мою правоту и на распущенность, истерию и хамство Гэтсби. Среди других мыслей вдруг неожиданно подумалось: «Вот придут советские ребята в вылинявших гимнастерках, придут братишки и отомстят всем, и Гэтсби-хозяину, за обиды, которые мне пришлось вытерпеть. Ох, отомстят...»

Я не собрал много вещей, все только разбросал, когда раздался звонок в дверь. Я прошествовал обратно в элевейтор, спустился на первый этаж, размышая о том, кого черт принес в такую рань.

Оказалось, что пришла Ольга. От волнения я совсем забыл, что сегодня среда. Ольга — единственная моя подчиненная, черная женщина пятидесяти лет, родом с острова Гаити. Она приходит к нам в мультимиллионерский домик четыре раза в неделю. Она перстилает белье (в том числе и мне на моей постели — моя привилегия), оперирует стиральными машинами и утюгами — в бейсменте у нас есть специальная лондри-рум, т. е. бельевая комната. Еще Ольга чистит ванны и туалеты нашего дома, чистит серебро, вытирает пыль с наших поверхностей и должна совершать всякие другие рабочие операции, о которых я — хаузкипер, и таким образом, ее непосредственный начальник — ее попрошу. Я прошу ее очень редко, эксплуататор из меня хуевый, я стесняюсь.

За годы, еще до меня, еще при жизни Дженнингса, в мульти-миллионерском домике сложилась определенная утренняя рутина, сохранилась она и в мое время. Первым обычно

в кухню спускаюсь я, подымаю штору на окне, ставлю на ресторанный размера огромную газовую плиту чайник и мою от остатков вчерашнего кофе кофеварку. В середине этого процесса обычно появляется Ольга. Затем, уже после девяти, приходит Линда — бессменная секретарша Великого Гэтсби уже в течение восьми лет. Чуть раньше или чуть позже появления Линды дом наводняют звонки всех наших четырех телефонных номеров.

Я пожаловался Ольге на хозяина. В основном она мне поддакивает — я же ее начальник. Впрочем, особая реакция мне и не была нужна, просто хотелось мне с кем-то поделиться своим возмущением. Ольга — очень добрая женщина, честная и работящая, она досталась мне в наследство от той же Дженн, и я не думаю ее менять. Ольга поохала над моим рассказом, она тоже считала, что Гэтсби не прав: если он не хотел сдавать серые брюки в чистку, зачем он положил их вместе с другой одеждой на сундук?

— Наплевать мне на него! Он думает — я держусь за его работу! Я найду себе другую работу, пойду в ресторан официантом, там никто не будет устраивать мне истерики, отработал свои восемь часов и ушел домой! — говорил я Ольге, расхаживая по нашей кухне.

Она стояла, прислонясь к одному из наших длиннейших деревянных прилавков — бучар-блоков, они идут у нас вдоль двух стен. Я нервно расхаживал, а она стояла. Тут раздался телефонный звонок. Я снял трубку.

— Хай, это Стивен, — сказал глухой голос Великого Гэтсби. — Я звоню из аэропорта. Извини, Эдвард, логически рассуждая, ты был прав, что отправил брюки в чистку. Они ведь лежали на сундуке, куда мы всегда кладем одежду, предназначенную для отправки в чистку. Извини, я просто был расстроен своими делами, бизнесом, это не было направлено персонально на тебя.

Не знаю зачем, но я дал ему поблажку. Потом Линда ругала меня за это. Я сказал: «Ничего, Стивен, я понимаю. У всех у нас бывают неприятности. Это нормально. Я тоже виноват, я мог бы и спросить еще раз».

— So long*. Увижу тебя через неделю, — сказал он. — Гуд бай.

— Гуд бай, — сказал я.

— Он извинился! Это был он! — торжествующе сказал я Ольге. — Он звонил из аэропорта.

Ольга заулыбалась. Она была довольна, что дело так хорошо уладилось, что Эдвард, уже собирающийся уходить с этой работы, помирился с мистером Грэем. Я ее понимал, ведь я явно был для нее хорошим начальником: часто я отпускал ее домой раньше времени и никогда не указывал, что ей делать, считая, что она и сама знает свою работу, и она действительно знала. Если она видела, что ковер в холле, или в солнечной комнате, или в ливинг-рум на третьем этаже был грязный, она брала вакуум-клинер и чистила ковер.

Потом пришла Линда, я и ей рассказал свою историю.

— Это наконец случилось и со мной, Линда, — сказал я ей, волнуясь. — Стивен набросился сегодня утром на меня. Наконец-то! Я столько раз слышал, как он орет на тебя, что был уверен — и мое с ним столкновение неминуемо.

— Не ожидай только, Эдвард, что он будет извиняться всегда, — сказала Линда. — Это он только потому, что ты еще новый человек здесь, он еще тебя как бы стесняется. Со мной он меньше церемонится, извиняется — хорошо если через раз. То, что ты тоже виноват, это ты зря, Эдвард, ему сказал. Нужно было дать ему почувствовать хоть чуть-чуть, что он виноват...

* Пока (англ.).

Линда храбрая со мной на кухне, когда же Гэтсби с нами в Нью-Йорке, она дрожит и волнуется. Ей 31 год, и из них восемь она работает с Гэтсби. За эти годы он так ее натренировал и поработил, что и дома, в своем многоквартирном хорошем доме в не очень хорошем районе, Линда, я уверен, думает о делах Гэтсби. И в своей голубой викторианской спальне, и занимаясь любовью со своим вечным бой-френдом Дэйвидом, и разговаривая со своими тремя котами, она помнит о Гэтсби. Впрочем, Гэтсби никогда не стесняется звонить ей и домой — поглощать и ее личное время.

Линда — лучшая возможная секретарша, иначе Гэтсби не держал бы ее восемь лет, да и другие бизнесмены, друзья и партнеры Гэтсби, бывающие в нашем доме, не раз говорили мне, что Линда очень быстрая, надежная и деловая.

Она действительно, как гласит один из документов, пришипленных Линдой к пробковой стене ее проходной комнаты, где она сидит в чистоте и сигаретном дыму, «подымает здания и проходит под ними. Сшибает локомотивы с рельсов. Хватает летящие пули зубами и ест их. Замораживает воду с одного взгляда. ОНА — БОГ». Сбоку там и приписано — Линда.

Линда и ее способности отмечены в самом конце списка. В начале списка, с боковой припиской от руки — Стивен Грэй, находится следующее определение:

«Председатель Совета Директоров. Достает до крыш небоскребов с одного прыжка. Более силен, чем локомотив. Быстрее, чем летящая пуля. Ходит по воде. Дает указания Богу».

Восемь лет Стивен дает указания Линде. И орет на нее. Однажды он от злости разорвал в клочья телефонную книгу. Линда обязана помнить и знать абсолютно все. Как-то он устроил ей скандал, оттого что Линда не смогла сразу найти телефон девушки, с которой Стивен познакомился в самолете, как он утверждал, месяц или полтора назад. «Месяц или полтора! — говорила мне, волнуясь, Линда. — На следующий

день я нашла ему телефон, это случилось полгода назад, в ноябре!!!» Все, что не помнил Стивен, а он, оказывается, мало что помнил, должна была помнить Линда, в том числе и телефоны его герл-френдс. Она даже систематизирует и хранит в архиве письма его любовниц.

Я был влюблён в него, я восхищался им, когда приходил в мультимиллионерский домик к Дженни, ее ранен бой-френд Эдвард. Хотя Дженни и жаловалась мне на его истеричность, я думал, она преувеличивает. Я был влюблён в него, он казался мне действительно Великим Гэтсби — деловым, изматывающим себя работой человеком, как бы символом американской деловитости и оперативности. Меня восхищали его чуть ли не каждодневные перелеты из города в город, от берега до берега по всей Америке, из страны в страну. Меня восхищало даже то, что он, летая в Европу, пользовался только сказочной формы самолетом «Конкорд», каким же еще, в самом деле! Мне казалось, что такому современному человеку только и подобает «Конкорд».

Все его корпорации, Председателем или Президентом которых он состоял, были по-особенному элегантны, он был только в очень элегантном бизнесе. Необычайно дорогие современные автомобили, производимые его фирмой, казались мне автомобилями будущего. «Так они — автомобили — будут выглядеть в двадцать первом веке», — думал я. Компьютеры, которые выпускала другая его корпорация, соревновались успешно с самыми лучшими в мире, с японскими. Из-за компьютеров и маленькой детальки к ним величиной с ноготь (деталька содержала в себе шестьдесят тысяч кусков информации) у Гэтсби и его фирмы шла с японцами настоящая война. Тайная, шпионская, с воровством технических секретов, подкупами и продажами. Совсем как в высококинематографических фильмах о Джеймсе Бонде.

Сам хозяин в непременно английских, строгих шерстяных костюмах, очень с виду простых рубашках фирмы «Астор», только фирмы «Астор», в туфлях на консервативном небольшом каблуке, бородатый, в очках, высоченный, энергичный, шумно смеющийся, неизменный предмет восхищения для всех, кто вился вокруг него, — друзей, женщин, партнеров по бизнесу, — был для меня символом, как бы киногероем, молодым миллионером, душой и надеждой Америки. Тогда я видел только фасад его жизни, но это был ослепительный фасад.

Даже то, что он взял меня к себе на работу, оказал, так сказать, доверие, зная, что я поэт, писатель, а никакой не хаузкипер, даже это говорило в его пользу. Ведь он, беря меня на работу, тем самым отказывался от части удобств. Я ведь не имел опыта хаузкипера, и моя служба ему, думал я, непременно будет иметь свои изъяны и недостатки. Однако он все-таки брал, так что, по-моему, выходило, что Стивен Грэй покровительствует, так сказать, искусствам. Он покровительствовал. Он был однажды продюсером фильма с прекрасными европейскими актерами, очень высокого класса фильма, «куска настоящего искусства». Настоящее искусство не приносит денег, посему Стивен Грэй потерял на этом деле «один, точка, восемь» миллионов долларов. Я его за потерю «один, точка, восемь» миллионов безумно уважал.

О том, до какой степени он мне нравился, свидетельствует даже то, что в тот период моей жизни я порой делал для него исключение из твердо усвоенной мной за первые тяжелые годы жизни в Америке теории классовой борьбы. «Нет, он не из этих capitalists pigs, — думал я. — Человек, который выбросил почти два миллиона, чтобы сделать интеллектуальный фильм, и теперь смеется, когда говорит о потере этих двух миллионов, просто не может быть включен мною в толпу безлицых pigs, он заслуживает выделения».

Тогда я находил в Гэтсби множество привлекательных черт. Например, как блестяще смотрелся Стивен в истории о том, как он спас, действительно, практически спас, жизнь своему другу Энтони, послав за ним специальный самолет в Кению, где с Энтони случилось несчастье. От неправильно выписанной докторами дозы какого-то нового, плохо испытанного лекарства Энтони вдруг сделался невменяемым и в этом состоянии бросился в стеклянное окно современного отеля. Он был изранен, без сознания, в состоянии комы, когда его подобрал самолет, посланный Гэтсби, и доставил в Соединенные Штаты, в одну из лучших больниц, где ему и сделали несколько операций. Энтони остался жив, хотя он и калека. У него действует только одна рука и вовсе не действуют ноги, он не может работать и навсегда оставил свою любимую архитектуру, по делам которой он и оказался в Кении, но он жив. Благодаря Стивену Грэю. Мало того, уже в течение многих лет Стивен оплачивает Энтони студию, в которой тот живет, его питание и даже парня-слугу. Энтони ведь не может приготовить еду или убрать в квартире. Я, который видит в своей будущей жизни еще немало несчастий и происшествий, думаю с завистью о возможности иметь такого друга, как Стивен Грэй. Я, который так тяжело искал в моей жизни друзей и редко их находил, был потрясен этой историей. Уже и позже, когда к образу очаровательного Гэтсби добавились кой-какие едкие детали, история с Энтони продолжала на меня действовать.

Кстати сказать, фильм, о котором шла речь, Стивен финансировал тоже из дружеских соображений. Как-то, в один из немногих случаев наибольшего нашего сближения, сидя со мной на кухне, во время получасовой беседы, а для Гэтсби потерять полчаса — как для обычного человека потерять месяц, он — хозяин, рассказал мне — необычному своему слуге, как получилось, что он финансировал фильм.

— Три года, Эдвард, я играл в шахматы с кинодиректором, он хорошо играет, хороший партнер. И все три года он постоянно жаловался мне, что хочет снять этот фильм, но никто не желает такой серьезный фильм финансировать, и потому он, бедняга, снимает коммерческие вульгарности, которые ему совершенно не хочется снимать. Наконец, после трех лет мне эти разговоры до такой степени надоели, что я сказал, что дам ему деньги на фильм, только бы он больше не ныл.

Мистер Грэй довольно усмехнулся. Я не уверен, что его версия истории с фильмом когда-либо соответствовала действительности. Скорее всего, это была уже легендарная версия случившегося, в которую верил и сам мистер Грэй. Но фильм существовал, и этот факт был неоспоримым. Дальше Гэтсби пустился в сложные финансовые рассуждения по поводу того, почему он потерял «один, точка, восемь» миллионов. По Гэтсби выходило, что только по причине отсутствия контроля за продажей билетов в большинстве кинотеатров.

— В тех кинотеатрах, где мы поставили специальных guards, которые считали, сколько людей входит в зал, и потом сравнивали это число с количеством полученных денег, мы не потеряли деньги, — утверждал Гэтсби.

Я не знаю, прав ли хозяин, у меня нет достаточных знаний в этой области. Все мои экономические познания сводятся к убеждению, что лучший в мире инвестмент (вложение денег) — это вложение денег в революцию. Хоть и очень рискованный инвестмент, но в случае выигрыша ты получаешь все. Язык мой так и просился сказать: «А не хотите ли, сэр, вложить свои миллионы в революцию, а?»

Так мы живем. После того февральского скандала было еще немало моментов, когда я восхищался им, но тень того происшествия не исчезала. Дополненная другими тенями,

она в конце концов неузнаваемо исказила облик моего хозяина-супермена, интеллектуального либерала, лучшего друга слуг, животных и детей, каковым он сам себя, наверное, считает. Подруга моя Дженни называла Стивена Грэя «лимузинным либералом», это прозвище мне в свое время очень понравилось. Вот я живу в самом дорогом районе Манхэттена, на берегу Ист-Ривер, в доме, который оценивается в полтора миллиона, и служу лимузинному либералу. Я, испорченный слуга мировой буржуазии, как я сам о себе иногда в шутку и не в шутку думаю.

И это правда, что я уже испорченный. Нет, скажем так, испорченный в настоящее время. Завтра, может быть (на всякий случай я всегда к этому готов), мне придется покинуть миллионерский дом и отправиться снова в мир, полный нужды и борьбы за существование. Но сегодня я живу так, как редко кто живет в этом городе и в этом мире.

Во-первых, я, как я уже сказал, единственный человек, кто обитает в миллионерском домике постоянно. Мистер Грэй и его семья живут в Коннектикуте, в «стране», в большом помещичьем доме, в усадьбе. Жена мистера Грэя — беловолосая Нэнси, и его четверо детей, их тамошние слуги, и его восемь автомобилей — все они там. Там у них овощи, лошади, цветы, бассейн и несколько фермеров-арендаторов, которым Гэтсби сдает в пользование свои фермы.

Пейзажи Коннектикута, пейзажи земли, принадлежащей Гэтсби, висят у нас повсюду в городском миллионерском домике, начертанные жидким маслом, совершенно фотографически художником Гаррисом, которого, кажется, зовут Жакоб. Рамы для пейзажей выполнены из старого почерневшего дерева. Мне эти пейзажи напоминают Россию, из которой я уехал пять лет назад — такие же мелкие речки, полевые дороги, ели или снежные поля. Художник Гаррис написал по заказу Гэтсби бесчисленное количество колов, изгородей, осенних деревьев и красных кирпичных фермерских стен.

Нэнси, а по уик-эндам и летучий Гэтсби, когда он не в Азиях-Европах, живут там в здоровой обстановке, с хорошим молоком (кое-где на пейзажах встречаются коровы). Предполагается, что и дети их вырастут там здоровыми, энергичными и настоящими американцами.

Я же, Эдуард Лимонов, живу в городском доме. Моя спальня на четвертом этаже, выходит она в сад и на реку. По утрам в саду поют птицы, а по реке во всякое время дня и ночи проплывают баржи, пароходы и буксиры. В мою ванную комнату вливается через окно в крыше *sky light*, или небесный свет. Каждый понедельник Линда выдает мне деньги на покупку еды для дома, холодильник должен быть на всякий случай полон — это моя обязанность, а по четвергам та же Линда платит мне мое жалованье за неделю. Пройдя через бейсмент мультимиллионерского дома, можно попасть в винный погреб — предмет гордости моего хозяина, с тысячами бутылок старого французского вина и с более крепкими напитками. Все пять этажей дома полны удобств, излишеств, мягких постелей, диванов, книг и пластинок. И все было бы хорошо, рай, в окна которого заглядывает солнце и их оплетает плющ, все было бы хорошо, если бы время от времени в дом не приезжал хозяин, его настоящий хозяин.

В первые пару месяцев моей службы Стивен приезжал довольно редко, скажем, раз в неделю он появлялся у дверей дома в такси, обычно часов в шесть-семь вечера, примчавшись прямо из аэропорта. Часто он бывал злым. На то, наверное, были его собственные внутренние причины, но выражалась злость в том, что он никак не мог найти деньги расплатиться за такси, бегал бестолково от меня к водителю, кашлял, вынимал беспрестанно из кармана трубку, не зажигал ее, опять клал трубку в карман и производил тому подобную суету и нервность. Нервность немедленно заливалась весь наш дом, и я, до того принадлежащий только

себе или моим обычным обязанностям в доме, вдруг оказывался принадлежащим ему. Его дурное настроение и тогда, и впоследствии всегда, и сейчас передавалось дому и мне, и Линде более всех, если он приезжал в ее рабочие часы. Линда сидит в своем проходном закоулке на втором этаже от девяти утра до пяти вечера.

Я обычно поджидал его, сидел на кухне и глядел на улицу. Увидав его в такси, я бегом бежал открывать ему дверь, дабы избавить его от лишней раздражительности, которая у него непременно возникнет, пока он будет искать ключ, я, видите, тоже был эгоистичен и думал о себе. Покончив со входной суетой и внеся с моей помощью, или без оной, чемодан, или чемоданы, и неизменный ворох расстрапанных газет, которые он читал в такси, он бежал наверх в свой деревянно-кожаный кабинет на второй этаж и садился к телефону. Телефонирование продолжалось обычно полчаса-час, но могло продолжаться иной раз и дольше — и два часа, и три...

Отзванившись, он спускался на кухню и забирал у меня «Нью-Йорк пост» — последний выпуск, всегда по-старомодному спрашивая, прочитал ли я газету и может ли он ее взять. Прочитал или не прочитал, но я всегда отдавал ему его газету. Попробовал бы я ему не дать, вот было бы смешно. Тут же я его спрашивал, хочет ли он дринк. Под дринком подразумевался его постоянный стакан двенадцатилетнего скотча «Гленливет» со множеством льда и сельтерской воды. Если он был в хорошем настроении, он делал себе дринк сам. Я всегда выставлял бутыль «Гленливет» на кухонный бучар-блок — прилавок, чтобы он не путался в бутылях, ища свой скотч в баре, им служил один из кухонных шкафов, и опять-таки не раздражался, не злился. Все эти традиции выставления бутылей и открывания дверей сложились давно, еще при Дженнингс, как необходимые препятствия на пути его дурного настроения. Не знаю,

сознает ли он, что и я, и Линда — все мы зависим от его настроения, сознает ли?

Быстро проглядев газету, он хватал стакан и отправлялся в хозяйскую свою спальню на третий этаж, наполнял широкую и глубокую ванну водой и специальной зеленой хвойной эссенцией и ложился туда. Теперь у него всегда в эти моменты играет радио, которое я недавно установил у изголовья его постели на столике, и вот он там лежал, а мы ждали.

Мы ждали — это я и дом, когда он свалит, исчезнет, уедет обедать в ресторан, а потом куда-нибудь ебаться. Иногда, а теперь все чаще, поздно в ночи он возвращался спариваться в дом. Я и дом ждали его ухода, потому что у меня есть чувство, что дом любит меня, а не его. Почему меня? Потому что я живу здесь, и чищу дом, и слежу за ним. Чищу потому, что вместе с работой хаузкипера я сохранил за собой и свою старую работу — а именно «тяжелую чистку». Раз в неделю я совершаю тяжелую чистку, еще когда Дженни жила и работала здесь, я чистил весь дом снизу доверху пылесосом, натирал полы ваксой. Дом наверняка любит меня, который чистит и убирает его и следит, чтобы было тепло в нем и сухо. Великий Гэтсби только разбрасывает полотенца, грязные рубашки, носки, трусы и выпачканные костюмы, наносит ногами мел и штукатурку с улицы, откуда он ее только достает, оставляет повсюду недопитые бокалы с вином и чашки из-под кофе, короче, он вносит в дом беспорядок и грязь, он тратит наш дом, я его поддерживаю.

Я и дом ждем, когда он исчезнет. Приезд хозяина для нас как иноземное нашествие. Часто, в это самое время нашего ожидания, приходит его *girl-friend* Полли, очень милая, но, на мой взгляд, замученная женщина. Я и Линда соглашаемся, что Полли очень милая и действует на Гэтсби — нашего варварского барона — благотворно и усмиряюще, и мы молим Бога, чтобы они не поссорились.

Сравнение же Стивена с варварским бароном пришло ко мне постепенно после многих ланчей, которые я ему приготовил. Чаще всего он ел мясо — куски баранины, или стейки, доставляемые мне по телефонному звонку из лучшего в городе мясного магазина, от братьев Оттоманелли. Насмотревшись на него, слегка одуревшего от мяса и французского красного винища, а за едой всегда выпивалось несколько бутылок вина, минимум две, насмотревшись на одутловатого, с нависающим на ремень брюшком, краснолицего, рыжебородого Гэтсби, я и набрел на это, как мне кажется, очень удачное определение — варварский барон. Только что сжевавший бахранью ногу, такой барон — охотник, лошадник и собачник — выходил ко мне в высоких ботфортах откуда-то из средневековой Англии, и воняло от него псиной, алкоголем и конюшней. От Гэтсби несло каким-то странным запахом кожи — из его шкафов, где он хранил свои костюмы и многочисленную обувь, еще несло крепким одеколоном и табаком «Данхилл» — его неизменная табачная марка. Как все снобы, а ведь совсем не-трудно уже догадаться, что Стивен Грэй — сноб, он имел свой фирменный скотч — «Гленливет», свои фирменные рубашки — «Астор», свои фирменные трусы «Джокей» и свой фирменный табак «Данхилл». Кроме того, были и другие, более общие правила снобизма и хорошей жизни — носки покупались, например, только из стопроцентного хлопка и только в магазине «Блумингдейл». Там же я покупал ему и галстуки бабочкой для его токсида, и постельное белье для дома, для всех семи спален. Белье также должно было быть из чистого хлопка, никаких полиэстеров в доме не допускалось.

Полли, обычно поприветствовав меня какой-нибудь сочувственной фразой, вроде «Как твоя книга, Эдвард?» (фразы менялись, но все они должны были, очевидно, свидетельствовать о ее внимании ко мне и заинтересованности

в моей судьбе), подымалась к Стивену. Если же он вылезал к тому времени из ванной и был одет, он сбегал к ней на встречу по лестнице. Тогда я исчезал на кухню или в мою комнату, продолжая с нетерпением ждать, когда он уйдет в ресторан. В то же время я был настороже, на случай, если он спросит меня о чем-то, о предмете, вещи или человеке, которого или который срочно необходимо найти в доме или за его пределами. Владелец небольшой империи фирм и повелитель множества людей, на него работающих, он никогда не помнил, например, где находятся в кухне чашки или бокалы. Для того чтобы найти винные бокалы, он раскрывал настежь последовательно все двенадцать шкафов. Если я и уходил в свою комнату, чтобы у него возникло чувство privacy и его собственного дома, — я всегда держал дверь моей комнаты открытой — на случай, если он меня вдруг потребует, если я ему понадоблюсь.

Сцены, подобные истории с его брюками, отправленными в чистку, в таком отвратительно-обнаженном виде больше не повторялись, и тому есть причина, о которой я сейчас расскажу, но вспышки его истерии все равно время от времени сотрясают дом, доводят до нервного шока Линду и злят меня. «Тряпка, истеричная баба! Не можешь, баба, держать себя в руках!» — шепчу я себе под нос, моя посуду, или ее протирая, или убирая со стола.

Однажды он должен был ехать к себе в Коннектикут, после того как провел три дня в моем, нашем с Линдой, доме. Мы несказанно за эти три дня от него устали и считали минуты. Он вел себя более или менее прилично и уже предварительно перенес с моей помощью и поместил в автомобиль ящик французского вина, чемодан, непонятного вида несколько электронных приборов и спутанные провода, но замешкался где-то в глубине дома. Я сидел на моем обычном месте, у окна в кухне, смотрел, чтобы на его машину не приклеили тикет, и ждал, когда он убется, предвкушая,

как сброшу с себя туфли и лягу спать немедленно, я был на ногах с шести утра, а приближалось к шести вечера... Как вдруг сверху — Линдин закуток и его кабинет соединяются с кухней лестницей так, что если дверь не закрыта, мне их разговоры хорошо слышны, — как вдруг сверху раздался грохот, плохо различимые волнующиеся ответы Линды и истеричный бас моего хозяина.

— Это украдено, это украдено! — повторял бас.

Что говорила Линда, не было слышно, они передвинулись в глубину офиса.

Я съежился от недобрых предчувствий. После серии препирательств, криков, дополнительных шумов, похожих на шумы опрокидываемой мебели, все это происходило уже где-то в самом сердце его кабинета, мне не было слышно слов совсем, только шум речи, Линда выкатилась на кухню и спросила истерическим полуслепотом:

— Эдвард, где черное маленькое портфолио Стивена, оно всегда лежит на подоконнике в его кабинете? Его нет, оно украдено, а в портфолио все кредитные карточки Стивена и его паспорт!

Я сказал:

— Линда! В доме никого не было уже неделю, только ты и я. Я не знаю, где портфолио, но раз оно находилось в кабинете на подоконнике, оно и должно быть там. Я ничего не убирал ни с подоконника, ни со стола, так как боялся прикасаться к бумагам босса. Может быть, Стивен сам переложил портфолио на другое место?

— Нет, — сказала Линда, — он не перекладывал.

Не очень, впрочем, убежденно сказала. И добавила: «Мы должны перерыть весь дом, но скорее всего, портфолио украдено». Линда трагически и укоризненно посмотрела на меня.

Я пожал плечами. Кем оно может быть украдено? Гостями? Его гостями? Гупта взял портфолио или другой

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru